

Студия «Семь нот»

ТРУДНО БЫТЬ ЗНАМЕНЫТЫМ

Мы НАХОДИМСЯ в графстве Суссекс, в двух часах езды от Лондона, где Маккартни владеет прекрасным, но без показной роскоши имением. В амбаре он создал маленькую, но современнейшую студию звукозаписи, где был записан его последний диск «Гветы в грязи», возможно, лучший альбом за все время его сольной карьеры. Вокруг широко простирается английский сельский пейзаж, море сочных лугов, на которых пасутся овцы.

— Меня удивляет, что вы решаетесь выпускать пластинки, уже столько лет выдерживая бремя быть Полом Маккартни. Полагаю, что вам было бы проще устроиться от дел.

— Думаю, это потому, что я действительно люблю музыку. Каждый раз, когда я сажусь сочинять новую песню, это оказывается ни легче, ни труднее, чем было раньше. Но мне это по-прежнему нравится. Сидишь за собой и начинаешь — динь-ден, постепенно тебя захватывает музыка, я воодушевлен и говорю себе: «У-у, похоже, что-то получится». Это волнует, как в первый раз. Что касается бремени славы Пола Маккартни, мой способ защиты от этого — не чувствовать себя Полом Маккартни. Он — это знаменитая часть меня, это бизнес. Но внутри я чувствую себя как прежде — парнем из Ливерпуля. Мне нравится то, что и раньше. Природа, например. Такие вещи меня внутренне поддерживают, потому что они неизменны. Весеннее пение птиц сейчас совершенно такое же, как в то время, когда мне было пять лет, оно не меняется оттого, что я Пол Маккартни. Во мне как бы две личности: одна — знаменитая, которая просто делает свою работу, а другая — это я сам, мой действительный я. Стараюсь их не смешивать.

— Это обычная шизофрения славы!

— Я уверен, что все мы такие. Будучи ребенком, ты говоришь о совести, так? Все говорят о совести, что же это, тот голос, который говорит внутри тебя, если не раздвоение, вид шизофрении? То же самое происходит со мной. Это мое сознание. Мое сознание в этом случае — это часть того, что я называю своим собственным я, а другая часть — это знаменитая личность. Возможно, такое разделение делает меня еще большим шизофреником, но я этого не чувствую. Проблема состоит в том, что известность и богатство приносит с собой определенные трудности. Но именно эти трудности все хотят испытать, не правда ли? Все говорят: «Дайте мне стать богатым, а я уж разберусь с трудностями». Но когда оказываешься в таком положении, это становится бременем, о котором ты не перестаешь сокрушаться. В то время, когда я входил в группу «Битлз», был момент, когда я понял, что нет возврата и уже невозможно перестать быть знаменитым, поскольку даже если бы я ничего собой не представлял, то все равно оставался бы тем, кто входил когда-то в ансамбль «Битлз». И когда я это понял, то подумал: «Что ж, будет лучше, если ты научишься с этим жить, чем сожалеть об этом».

Американское телевидение только что закончило записывать интервью с ним, поэтому Пол был одет с особой тщательностью: в тонкий свитер цвета слоновой кости и красивый коричневый пиджак. Но совсем новые джинсы слишком велики и обут он в умопомрачительные черные спортивные башмаки. У него вид ребенка, которого нарядно одели во все новое по случаю воскресенья, и он чувствует себя скованно. Легко представить себе, что в обыденной жизни Маккартни одевается также небрежно, как и Линда, которая сегодня шепочет в каком-то тряпье и старой рубашке, без капли косметики на своем орлином лице. Неполодая, очень неполая, с фигурой, пострадавшей от родов, и морщинистой кожей, как у крестьянки, мзуренной работой под открытым небом. Крепкая крестьянская мать. Пол и Линда женаты 20 лет. Это не блестящая и воздушная жена, какой должна быть по расхожему мнению жена суперзвезды рока. Но и Пол меньше всего похож на суперзвезду. И его верность Линде такой, какая она есть, — это немаловажный признак другой, более глубокой верности, глубинной связи между тем, что он говорит, и тем, что он делает.

— Но есть люди, которым не удается пережить бремя славы. Вам, похоже, удалось вывести все — и славу, и богатство, и разрыв с «Битлз». Вы выжили.

— Да, думаю, что это правда. Поступим по-доброму. Думаю, это правда. Среди из которой я вышел, работа, это люди, недолгие сверхъестественности. Они всегда находят выход из любого положения и... это неспроста, не скажу, что это просто: в моей жизни было очень много трудных моментов. Сейчас, к счастью, это не так, но когда перестал существовать «Битлз», это был кошмар. Я чувствовал себя конченным, мог бы превратиться в бродягу, а человеческие отбросы. Жизнь потеряла всякую цель. Не было смысла вставать по утрам, браться... После разрыва с «Битлз» самым большим казался отстраниться от жизни. Но я попробовал сделать это, и через несколько недель понял, что ничего не получится. Я не мог превратиться в жалкого бродягу и разрушить себя. Итак, надо было снова становиться на ноги. Это очень трудный опыт и в то же время достаточно распространянный. Думаю, это как пробовать на фабрике 20 лет и вдруг узнать, что ты уволен. Ты задаешь себе вопрос: «Что делать оставшемуся жителю». И тобой владеет мысль: «Я ничего не стою. С «Битлз» стоил, а теперь нет». Это очень угнетающее ощущение, ты чувствуешь огромную тяжесть. Конечно, если ты способен преодолеть это, ты выходишь окрепшим. Но такая жизнь. Жизнь — это сложная штука.

НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР С ДЖОНОМ ЛЕННОНОМ

— Первые годы, конечно, были ужасными. Вы остались один, поссорившись в 1974 году с тремя другими членами «Битлз». А тем временем Джон говорил о вас сверкающие вещи. И вы почти никогда не встречались. Почему?

— Действительно, не отвечал. Видишь ли, я знал, что люблю Джона. И все годы, когда мы писали вместе музыку, были особыми годами. И ничто не

может изменить этого. Думаю, что бесктность Джона была просто болтовней. Много шума, крика, но это, как у пьяного, лишено смысла. И я подумал, что если отведу, то влжусь действительно к крупной ссоре и к тому же могу еще проиграть, потому что Джон был силен в словах, на этой территории с ним было трудно бороться. Итак, я сказал себе: «Зачем в это ввязываться? Это все равно ничего не даст, и я не выиграю». Так я это дело оставил. И сейчас я очень рад, что поступил так, потому что мы не затеяли большой ссоры, и прежде чем он умер, мы смогли снова войти в дружеские отношения. Джон был действительно хорошим человеком, но очень крикливым. Потому мы и называли его лидером группы, что он кричал громче всех.

Сегодня Полу исполнилось 47 лет, все его волосы покрыты проседью. Он строг и сохраняет молодой вид, но ангельские лица его типа плохо переносят разрушительное влияние времени. Сейчас щечи у него обвисли и потеряли форму, как у наполовину оплавленной восковой маски. Иногда, если он улыбается и строит одну из своих многочисленных смешных гримас, в его лице проскальзывает двадцатилетний битл, как пленник, заточенный в клетку его угвдшего тела, и это вызывает бесконечное чувство, потому что он похож на преждевременного состарившегося ребенка, на карикатуру на самого себя. Конечно, у Маккартни игривый характер подростка. Он постоянно шутит с тем бессмысленным и нелепым юмором, который был так характерен для «Битлз». Жестикული-

Он был «краеугольным камнем» группы «Битлз», величайшего в истории рок-музыки феномена. Когда в 1970 году она распалась, блестящие и злые нападки Джона Леннона на него слегка затуманили его образ. Тем не менее Пол Маккартни с завидным упорством продолжает свою музыкальную карьеру: сначала с группой

которой не добились вы. Джон вас публично оскорбил, вел себя плохо, и его обожали. И теперь он мертв, и нет возможности это исправить. Джон победил.

— Да, это верно. Но так сложилось обстоятельство. Думаю, что сразу после смерти Джона многие стали говорить: «Все кончено, это был единственный из «Битлз». Потому что он был самым знаменитым из группы «Битлз», к тому же он умер такой смертью... Но и кроме того, это была, конечно, личность. Но дело в том, что люди начали это говорить, а ты думаешь: «О Боже, теперь это действительно укрепит миф». Но надо иметь терпение, ибо случилось так, что после той волны пошла вторая, и люди стали говорить: «Минутку, минутку, дело обстоит иначе. Джон был совсем другим, и Пол был другим». Настоящие фанаты знают, что во мне подлинное. Что я не просто... нежный, как обо мне говорили. Что я написал достаточно сильных, если можно так выразиться, песен. Когда с Джоном у нас возникли доверительные отношения, я начал открывать о нем правду, которая не имела ничего общего с его внешним обликом. У Джона под всем его обилием скрывалась нежная душа. Но он знал, что людям нравятся свирельный слон.

— В прошлом году вы написали пластинку чистого рок-н-ролла «Снова в СССР», но вы ее выпустили только в Советском Союзе. В интервью американскому телевидению вы сказали, что не хотите распространять ее на Западе, чтобы избежать сравнения с Ленноном, поскольку это рок-н-ролл. Вы отдадите себе отчет в том, что делаете? Сейчас 1989 год,

а вы все еще в ловушке, подстроенной Джоном.

— Да. Дело в том, что эта ловушка будет всегда. Но это меня не беспокоит. Это не так уж плохо. Я знаю, что вложил в Леннона, знаю свой вклад в группу «Битлз». И доволен тем, что сделал. Пусть это никогда не увидит себя, пусть все, что я сделал, никогда не получит признания. Ну что ж... Это не так важно. Пока мы входили в «Битлз», нас обоих считали совершенно равными. А остальные считали Джона и Йоко стали превращаться в... Видишь ли, если ты готов появиться на обложке своего альбома совсем без одежды, то вызовешь сенсацию. Но я не расположен к этому, потому что застенчив, просто не хочу этого делать. Так что меня можно легко победить. Если я сейчас во время интервью сниму перед тобой брюки, это без сомнения будет сенсацией, но ясно, я этого не сделаю. Мне это не нравится. Я превосходно знаю, как превратиться в твердого парня: надо быть жестким, говорить, что в мире нет ничего, кроме рок-н-ролла, быть самым моральным в мире, одеваться с утра до вечера в черное, как металл, ходить в шляпах, иметь группу, которая носила бы поистине зверское название, типа «Злость»... Я могу это сделать, конечно, могу, это легко. Но просто это не тот образ жизни, который мне подходит. Я знаю таких людей, например, на это досыта, и мне не понравилось. Это угнетает. Нужно быть очень сильным, чтобы в этом мире музыки публично утверждать нормальные ценности. Чтобы сказать: «Да, мне нравится любовь». И мне нравятся дети? Что? Говорить, что тебе нравятся дети? Или что тебе нравятся семья? Фу! Пошел ты... Но мне нравится. Выходит, что мне повезло, у меня чудесная семья, меня окружает народ из Ливерпуля, рабочий народ, добрый и крепкий, абсолютно нормальный, веселый, симпатичный, дружелюбный и солидарный... глубокий народ. Лучшее из которого не встречал и не хочу действительно больше ничего. Мне не нравится темная сторона. Я не такой... сильный.

«Я ПРЕДПОЧИТАЮ СПОКОЙСТВИЕ...»

— Предпочитаете спокойствие!

— Да, я предпочитаю спокойствие. Но, конечно, если рассматривать то, за что так бешено, как это было свойственно ему, боролся Джон, то я согласен с этим. Вопрос лишь в форме, он это делал так своеобразно, ложась голым в кровать, чтобы бороться за мир.

Я написал песню, которая называется «Трубки мира», и он написал песню «Дай шанс миру», по существу, все мы хотели

тисла для широкой публики в славяного, даже вполне заурядного музыканта, и ему отказали не только в будущих успехах, но задним числом пострадал — его престиж в группе «Битлз». Он был раздавлен своим двойником, другим, трагедия Пола — это трагедия Моцарта и Сальери, только в этом случае Сальери-Маккартни — превосходный музыкант. Он раздавлен, как если бы мера его достоинства зависела исключительно от человека, который уже мертв. Неудивительно, что у милейшего Пола время от времени выпрыгивает пар горячий, когда речь идет о Джоне. Но всегда очень деликатно и уклончиво.

— А как насчет того, что вы консервативный человек!

— Я не считаю себя консервативным и в действительности таким не являюсь. Я довольно сумасшедший человек, и не мог бы входить в группу «Битлз», если бы не был достаточно сумасшедшим. Я такой, поверь мне.

мире, включая того самого твердого парня. Если рассматривать принципы, которые он отстаивал, а ни не было ничего плохого. Все это были хорошие, добрые цели. Знаю, что одним из наибольших удовольствий для Джона было воспитывать своего сына Шона. То есть быть просто папой, только Джон никогда не признался в этом публично, в этом вся разница. Я слаб — и говорю об этом. Потому что действительно так считаю — так я, и повторю я это даже, если это испортит мне карьеру. Знаю, что не принято говорить подобные вещи в этом же столбе мира рока, но скрывать это мне кажется слишком легко. Труднее, гораздо труднее быть верным себе и показывать себя таким, каков есть. Труднее, потому что вынужден все время терпеть шуточки типа «а, он глуп и слаб». Потому что должен все время повторять: «Нет, я тоже писал сильные песни, например, «Я вижу». Помните? Это написал я, сделал кое-что хорошее...».

Маккартни — композитор, который имеет наивысший в истории успех, его 43 песни разошлись более чем миллионным тиражом каждая. Это исполнитель, у которого самый большой в мире тираж проданных пластинок, музыкант, имеющий наивысшее в истории число золотых дисков. Среди множества других ему принадлежат такие превосходные песни, как «Let it be», «Yesterday», которые были записаны в тысячах различных вариантов. И тем не менее, этот Пол Маккартни, завоевавший все, кажется, пошатнулся под тяжестью колоссальной пирамиды славы. Леннон, его темный контрапункт, его почти затмил, смерть Джона, как насмешка судьбы, закрепила этот спор навсегда. Маккартни превра-

«Уингс», а сегодня — в одиночку. Он женат на фотографе Линде Истман, имеет четырех детей — 24, 19, 17 и 11 лет (один ребенок — сын Линды, остальные — их общие дети). Сегодня Пол ведет спокойную и скромную жизнь в Англии и не хочет уезжать отсюда, несмотря на то, что британские налоги съедают 98 процентов его доходов...

ЛЮБОВЬ СПАСЕТ МИР

— У вас четверо довольно взрослых детей. Трудно представить себе экс-битла, ставшего важным отцом семейства.

— С приходом славы возникли проблемы. Поэтому я очень осторожен, воспитываю их как обыкновенных людей, чтобы они общались с нормальными сверстниками. Чтобы у них были корни, как у всех. Мне говорят: «Ты сошел с ума! Почему ты их не отправил в Итон?» Итон — это элитарная школа. Да, потому что они вернулись бы оттуда, разговаривая, как зануды. Мне не нравится этот тип людей, и не хочу, чтобы мои дети были такими. Мы никогда не держали няню для детей. Я в восторге от малышей. Я сам из такой же семьи. Когда я был маленьким, всегда мне кто-нибудь совал ребенка в руки. Нужно было гулять с ним, укладывать спать, качать его. Считаю, что мне повезло. Линда же воспитывалась иначе. Она из богатой семьи, но не имеет ничего общего с семейством Истман-Кодак вопреки распространяемым слухам. Однако, ее отец — богатый адвокат, и она была воспитана в элитарной семье, которой принадлежит большая часть дома с кучей прислуги и ледяной атмосферой. И она возненавидела этот мир. Поэтому, когда мы жили в Шотландии, у нас был маленький домик, только с двумя спальнями, и это ее восхитило. И первые десять лет мы воспитывали всех наших детей в этом доме. В одной спальне мы, в другой — четверо детей. И считаю, что это хорошо. В той среде, откуда я родом, это считается нормальным. Некоторые мои друзья-

тисла для широкой публики в славяного, даже вполне заурядного музыканта, и ему отказали не только в будущих успехах, но задним числом пострадал — его престиж в группе «Битлз». Он был раздавлен своим двойником, другим, трагедия Пола — это трагедия Моцарта и Сальери, только в этом случае Сальери-Маккартни — превосходный музыкант. Он раздавлен, как если бы мера его достоинства зависела исключительно от человека, который уже мертв. Неудивительно, что у милейшего Пола время от времени выпрыгивает пар горячий, когда речь идет о Джоне. Но всегда очень деликатно и уклончиво.

— А как насчет того, что вы консервативный человек!

— Я не считаю себя консервативным и в действительности таким не являюсь. Я довольно сумасшедший человек, и не мог бы входить в группу «Битлз», если бы не был достаточно сумасшедшим. Я такой, поверь мне.

Пол Маккартни начал «всемирные гастроли», на организацию которых музыкант предполагает затратить 15 миллионов фунтов стерлингов. По свидетельству газеты «Дейли мейл», Маккартни ставит перед собой две цели — вновь подтвердить свою репутацию одного из ведущих музыкантов мира, а также привлечь внимание людей к проблемам охраны окружающей среды. На каждом концерте будут распространяться бесплатные брошюры, в которых пойдет речь о необходимости принять действенные меры для спасения природы.

П. Маккартни огласил имена членов ансамбля, которые приминат участие в предстоящем турне. Это гитаристы Хамши Стюарт и Робби Макинтош, ударник Крис Уиттен, пианист Уинкс. Кроме того, в концертах примет участие жена музыканта Линда. В турне также отправятся все дети четы Маккартни, но они будут выступать в роли зрителей.

По свидетельству «Дейли мейл», музыкант надеется выступить с концертами и в Советском Союзе.

— Да, и это хорошо.

— У поколения 60-х множество потерь. Многие остались на дороге, спленные наркотиками или головокружением тех лет. Вы оказывались когда-нибудь на краю пропасти!

— Да, в 60-е годы. Когда написал «Let it be». Перед тем как создать эту песню, у меня был период глубокой депрессии. Думаю, что это в значительной мере из-за наркотиков. Не знаю, но это был безумный период в моей жизни, и многие вещи казались мне лишены смысла. Я посвящал себя тому, что ходил по ночным клубам, цепляя девочек. Не было ничего внутри под верхним слоем такой бурной жизни. Я помню одну ночь, когда я лежу в кровати, почувствовал себя по-настоящему плохо. Тогда мне приснился сон, мне снилась мать, которая умерла за много лет до этого. И мама сказала мне: «Все будет хорошо, не волнуйся, все образуется». Это было такое огромное облегчение... После той ночи я написал «Let it be». И этот сон мне помог действительно помочь. Это был первый из случаев, когда я оказался на краю бездны. Другой был, когда распался «Битлз». Я уехал в Шотландию, несколько дней не вставал с постели и много пил... Все это было так бездумно и обидно, как это может быть с любимым в подобной ситуации. Бедная Линда! Она пыталась помочь мне. И она действительно помогла мне, потому что у нее железный характер. Она мне сказала: «Это пустяки! Все будет хорошо, не переживай...». А я: «Нет, я ничего не стою, как я подниму после этого голову, на что я способен, я ведь четвертая часть чего-то, и ничего больше, сам по себе я ничего собой не представляю...» Линда мне дала силы. А также детей. Когда чувствуешь себя безвыходным положением, к тебе подходит сын и говорит: «Папа, я тебя люблю». Это помогает. Есть старый фильм, в котором Гарри Грант готов броситься с моста, к нему подходит сын и говорит: «Папа, я тебя люблю, пойдем домой». И у тебя слезы ручьем.

— Вы плачете в кино!

— Да-а. Раньше мне это мешало, я хотел быть настоящим мужчиной и скрывал, что у меня текут слезы, но теперь это меня нисколько не беспокоит.

В течение трех лет у меня не вышла ни одна пластинка, а теперь в своем диске «Цветы в грязи» он снова касается тех тем, за которые он так дорого заплатил: любовь и семья. В первой песне этого альбома он говорит о том, как знаменитые люди теряют свою душу. Это опасность, которой, без сомнения, коснулся Маккартни, этот рабочий парень из Ливерпуля, поглощенный необразованной славой и охваченный головокружением, которое обычно дробит кости душам. Поэтому, чтобы выйти из этого головокружения, чтобы затормозить ускорение мира, Маккартни воплился в свои корни — маленький редут реальности, простую крестьянскую жизнь.

Это не звезда, но бунтарь, ни тем более самодовольный триумфатор. Это всего лишь человек, затронутый историей, который, несмотря на это, стремится выжить.

— Однажды ваша дочь Мэри вернулась из колледжа и показала вам учебник. В нем говорилось о вас. Что вы почувствовали!

— Это невероятно, да. Я вспомнил, как ходил в школу, читал учебники и видел там Уинстона Черчилля и других. И обычно думал: «Боже, это должно быть, очень важные люди». И это так странно узнать однажды, что мы вошли в книгу истории. Да, считаю, что мы сделали многое нашей музыкой и нашей позицией. Мы, группа «Битлз», помогли развитию социальных отношений. Больше всего волнует, если обернуться назад и увидеть все, что изменилось, и сказать самому себе: «Мы имели к этому какое-то отношение». А это много значит.

«Панс Семаналь» — «За рубежом», 1989 г.

Телефото ЕРА—ТАСС.